Дугаров Б. С.

ЭПИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ БУРЯТ: МЕТАМОРФОЗЫ В КОНТЕКСТЕ РЕПРЕССИВНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА
В КОНЦЕ 40-Х ГГ. XX В.

Дугаров Б. С.

B. S. Dugarov

ЭПИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ БУРЯТ: МЕТАМОРФОЗЫ В КОНТЕКСТЕ РЕПРЕССИВНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА В КОНЦЕ 40-Х ГГ. XX В.

THE EPIC HERITAGE OF BURYAT: THE METAMORPHOSIS IN THE CONTEXT OF THE REPRESSIVE STATE POLICY AT THE END OF 40-IES OF THE TWENTIETH CENTURY

Дугаров Баир Сономович – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, отдел литературоведения и фольклористики (Россия, Улан-Удэ); 670090, г. Новосибирск, пр. Академика Королёва, 17; тел.: + 7 (983) 432-74-99. E-mail: khairkhan@mail.ru.

Bair S. Dugarov – Doctor of Philosophy, Leading Scientific Researcher Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Department of Literature and Folklore Studies Russian Federation (Russia, Ulan-Ude); 670090, Novosibirsk, 17 Academician Korolev pr.; tel.: + 7 (983) 432-74-99. E-mail: khairkhan@mail.ru.

Аннотация. При беглом взгляде на биографию Гомбо Цыбиковича Бельгаева (1904–1983), видного государственного и общественно-политического деятеля Бурятии, складывается впечатление, что его жизненный путь был достаточно благополучным на фоне тех сложных исторических событий, которыми отмечен XX век в судьбе страны. Но это обманчивое ощущение, поскольку поколению, рождённому в начале XX столетия, выпала непростая доля нести карму созидателей первого в мире социалистического государства с его тоталитарным режимом и бескомпромиссной идеологией. И, конечно, невозможно было прожить свой человеческий век, идя в ногу со временем, и не испытать чаши испытаний, которую жизнь преподносила многим, кто искренне и честно служил своему народу. Одним из таких экзаменов, выпавших на долю Г. Ц. Бельгаева, явились известные события в общественной жизни нашей республики, связанные с ostracism эпоса «Гэсэр» в 1948 году и его последующей реабилитацией в 1953-м.

Summary. Biography of prominent state, social and political figure of Buryatia Gombo Tsybikovich Belgaeva (1904–1983) shows that his life was quite prosperous against the background of those complex historical events that marked the twentieth century in the fate of the country. But this is a deceptive sensation, since the generation born in the early twentieth century created the world's first socialist state with a totalitarian regime and uncompromising ideology. And, of course, it was impossible to live your human age, keeping pace with the times, and not to drink the cups of trials that life presented to many who sincerely and honestly served their people. One of such examinations, which fell to G.Ts. Belgaev, there were well-known events in the public life of our republic related to the ostracism of the epic «Geser» in 1948 and its subsequent rehabilitation in 1953.

Ключевые слова: культурное наследие, национальная культура, государственная политика, репрессивная политика, эпос «Гэсэр».

Key words: cultural heritage, national culture, state policy, repressive policy, epic «Geser».

УДК. 39(=512.31)+343.43

Прежде чем вести разговор о непростой судьбе бурятского эпического наследия, полагаем целесообразным сделать небольшой экскурс в суть рассматриваемой проблемы. Как пишет Б. Банзаров, несмотря на общепризнанное мнение о «Гэсэре» как уникальном памятнике духовной культуры бурятского народа, путь самого эпоса к широкому читателю отнюдь не был усеян розами, а напротив, испытал все превратности идеологической погоды, доминировавшей на определённых этапах существования Страны Советов [1, 70].

Вопрос о фольклоре и эпическом наследии бурят приобрёл особую актуальность в связи с подготовкой к проведению декады литературы и искусства Бурят-Монголии в Москве в 1940 году. Началась широкая пропаганда эпоса «Гэсэр», в которую активно включились не только учёные и писатели, но и тогдашние руководители Бурятского обкома ВКП (б). На этой волне повышенного

интереса к вершине устного народного творчества, каковым является «Гэсэр», было обнародовано решение широко отметить в начале 40-х гг. XX века условный юбилей – 600-летие этого эпического памятника. Для полноты представления о том, какое значение придавалось популяризации эпоса «Гэсэр» на государственном уровне, приводим полный текст решения советского правительства.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Совнаркома СССР о проведении юбилея
бурят-монгольского народного эпоса «Гэсэр»
Москва. Кремль.
6 мая 1941 г.

Совет народных комиссаров Союза ССР постановляет:

1. Разрешить Совнаркому Бурят-Монгольской АССР провести в ноябре 1942 года 600-летний юбилей народного эпоса «Гэсэр».
2. Поручить Президиуму Академии наук СССР и Президиуму Союза советских писателей привлечь необходимые кадры специалистов для подготовки научного издания текста «Гэсэр» на бурят-монгольском и русском языках.
3. Совнаркому РСФСР предусмотреть отпуск необходимых ассигнований на подготовку «Гэсэра» к печати.

Председатель Совета народных комиссаров Союза ССР

И. Сталин.

Управляющий делами Совета народных комиссаров СССР

Я. Чаадаев» [3, 213].

Не вдаваясь в «кухню» принятия подобного постановления, отметим ради объективности, что существовало и другое, заслуживающее внимания, мнение. Так, ведущим гэсэроведом того времени Н. Н. Поппе – членом-корреспондентом АН СССР, возглавлявшим в ту пору кабинет монголоведения и бурятovedения в Московском институте востоковедения и специально приехавшим в июле 1940 г. в Улан-Удэ для обсуждения вопроса датировки эпоса и проведения его юбилея, была предложена дата – 1200 лет. Небезынтересно привести некоторые моменты аргументации, приводимые Н. Н. Поппе в пользу своей версии датировки бурят-монгольского «Гэсэра». «Если учесть, – пишет учёный, – что содержание бурятских сказаний о «Гэсэре» включает ряд элементов, характерных для идеологии родового общества (в частности, сильны элементы матриархальные), то совокупность всех данных позволяет отнести «Гэсэра» к большей древности и считать, что сказания эти отражают жизнь родового общества примерно VIII столетия, в фантастическом, конечно, преломлении. Таким образом, можно, «не впадая в ошибку», считать, что в древнейших своих частях «Гэсэриада», восходя к VIII столетию, имеет 1200-летнюю давность» [5]. По всей вероятности, его точка зрения, удревняющая возраст эпоса и не отвечающая идеологической подоплёке задуманного сценария по юбилею, не получила поддержки большинства участников обсуждения этого вопроса в Бурят-Монгольском государственном институте языка, литературы и искусства (ГИЯЛИ).

Но самому юбилею «Гэсэра» не суждено было состояться, так как нагрянула война. Несмотря на то, что страна находилась под прессом тяжчайших испытаний, выпавших на её долю, работа по сбору материалов по «Гэсэриаде», подготовке к изданию отдельных частей эпоса на бурятском языке и в переводе на русский язык, а также полного литературного свода «Гэсэра» не прекращалась, а, напротив, набирала новые обороты. Это говорит о том, что дух «Гэсэра» соответствовал драматической героике того военного времени и вселял в людей былинную веру в торжество светлого начала в борьбе Добра и Зла, имевших конкретные исторические персонификации. Так, в 1941 году был издан на бурятском литературном языке «Гэсэр», основу которого составила

одна из глав одноимённого эпоса в исполнении П. М. Тушемилова. В народе она более известна под названием «Шара Гэсэр» из-за жёлтого цвета обложки книги. Композитором Д. Аюшеевым были переложены на музыку стихи Ц. Галсанова, воспевающие образ героя «Гэсэриады». Поэт-фронтовик Ц. Номтоев в разгар битвы под Сталинградом пишет стихи, передающие пафос той грозовой поры, посвящённые своему земляку и однополчанину Б-О. Мункуеву: «Окрылённый высокою верой / Ты разишь, словно батор, врага, / И отважным потомком Гэсэра / Называют не зря земляка» [2].

Пришла долгожданная Победа, которая, казалось бы, открывала широкую дорогу триумфальному шествию «Гэсэриады» на республиканском и всесоюзном уровнях. А предпосылки для этого уже имелись. В 1946 году был составлен сводный текст (25 тысяч стихотворных строк) Н. Балдано, в котором были использованы различные сказительские варианты.

Однако к тому времени, как отмечает Б. Базаров, скрупулёзно исследовавший ситуацию, сложившуюся в связи с «Гэсэром» в послевоенные годы, – в стране всё более явственно вызревали политические процессы, которые существенно деформировали понимание роли и значения художественной культуры в жизни общества [1, 71]. Толчком к негативной оценке народных эпических творений явилось постановление ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации», принятое в конце 1944 года. В постановлении объектом особой критики стал эпос об Идеее, объявленный «ханско-феодальным» за приукрашивание исторического прошлого, связанного с Золотой Ордой и служивший якобы питательной средой для националистических настроений. Как пишет татарский учёный М. Усманов, «буквально за несколько месяцев до Победы народ, бережно хранивший в своей памяти сюжеты и песни эпоса, был ошеломлён постановлением о том, что для него “вреден” не только этот “ханско-феодальный эпос”, но ему также следует забыть правду о его средневековой истории» [6, 248].

По всей стране, как по цепной реакции, покатила волна «большевистской критики» эпического наследия тюрко-монгольских народов: киргизского «Манаса», огузского «Китаби Коркута», среднеазиатского и закавказского «Кер-оглы», узбекского «Алпамыша», сложившегося, как известно, в среде конгратов или хонгиратов, древнемонгольского племени, занимающего важное место в этногенезе ряда среднеазиатских тюркоязычных народов, имеющих также свои национальные версии этого знаменитого дастана. Широкомасштабная кампания преследования национальных эпосов дошла и до бурятского «Гэсэра». Почва для этого уже была подготовлена обвинениями в «буржуазном национализме» ряда ведущих общественных и научных деятелей Бурятии после известных сталинско-ждановских постановлений 1946–1948 гг. по вопросам литературы и искусства. Тень 1937 года неумолимо напоминала о себе. От должности секретаря обкома партии был освобождён Б. С. Санжиев, «под крылышком» которого, согласно одной из тогдашних формулировок, свило себе гнездо буржуазно-националистическое охвостье, разгромленное в 1937 году. Исключения из рядов ВКП(б), творческих союзов, учреждений культуры стали принимать большие масштабы. Этой участи подверглись многие известные деятели культуры, науки и искусства – С. Балдаев, Б. Ямпиров, Ч. Цыдендамбаев, И. Манжигеев, М. Хабаев и др.

Тучи сгущались и над «Гэсэром», и всеми теми, кто имел прямое отношение к его пропаганде и популяризации. Объектом особой критики со стороны обкома партии, возглавляемого тогда А. В. Кудрявцевым, стал Бурят-Монгольский научно-исследовательский институт культуры и экономики (НИИКЭ), где была сосредоточена основная работа по сбору материалов различных вариантов эпоса «Гэсэр», их изучению и подготовке к изданию эпического памятника. Такой поворот событий следовало ожидать. Напомним, что вслед за вышеупомянутым постановлением ЦК ВКП(б), принятом в 1944 году относительно улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации, спустя некоторое время последовало специальное постановление Татарского областного комитета партии под более конкретным названием «Об ошибках и недостатках в работе Татарского научно-исследовательского института», связанного с изучением эпоса «Идегей». В постановлении указывались и определялись жертвы с последующим наказанием и избиением «виновных» [6, 248]. Как видим, всё шло по уже отработанному сценарию, который, как в случае с эпосом «Идегей», оказался печально «успешным».

Теперь мы подошли вплотную к интриге нашего повествования, имеющей непосредственное отношение к Г. Ц. Бельгаеву. Дело в том, что осенью 1946 года он становится директором вышеназванного НИИКЭ. Судя по всему, это назначение не является случайным. Послужной список Г. Ц. Бельгаева свидетельствует о его тесных связях с научной и творческой интеллигенцией. Так, в 1940 году он возглавлял Управление по делам искусств при Совете народных комиссаров БМАССР, в течение нескольких лет Г. Ц. Бельгаев работает директором ГИЯЛИ. Именно при нём в руководимом им научно-исследовательском институте разворачивается активная и целенаправленная работа по сбору материалов об эпосе «Гэсэр». В апреле 1941 г. был подготовлен ещё не отработанный свод материалов, состоящий из 115 тысяч стихотворных строк. При руководстве Г. Ц. Бельгаева сложился коллектив подлинных энтузиастов и знатоков народного эпического творчества, имена которых известны ныне каждому специалисту в области бурятского фольклора. Это С. П. Балдаев, А. И. Уланов, И. Н. Мадасон, Д. Д. Хилтухин, А. А. Бальбуров.

Примечательно, что заместителем директора ГИЯЛИ в это время работает Б. С. Санжиев, который в 1943 году становится секретарём обкома ВКП(б) и придаёт изучению «Гэсэра» и его пропаганде более высокий организационный уровень. Думается, что факт совместной плодотворной работы Г. Ц. Бельгаева и Б. С. Санжиева по популяризации выдающегося памятника духовной культуры бурят не мог оказаться незамеченным в момент антигэсэровской кампании, начатой в апреле 1948 г. на XV Бурят-Монгольской областной партийной конференции. Именно здесь прозвучала впервые критика в адрес «Гэсэра», а в докладе первого секретаря обкома партии А. В. Кудрявцева было сказано, что «руководство НИИКЭ не преодолело ошибок со времён Санжиева» (Б. С. Санжиев, как выше уже упоминалось, был отстранён от должности секретаря обкома ВКП(б) в 1946 году и был вынужден покинуть пределы Бурят-Монголии – Б.Д.).

Эта зловещая фраза в устах первого лица республики в своём контексте означала, что институт, возглавляемый Г. Ц. Бельгаевым, не сделал никаких выводов после снятия с должности секретаря обкома партии Б. С. Санжиева и по-прежнему продолжает работу по подготовке издания бурятской «Гэсэриады». словно по сигналу, загрели словесные выстрелы в сторону «Гэсэра» и рикошетом попадали в Г. Ц. Бельгаева. Я не буду перечислять имена тех, кто по кудрявцевскому сценарию исполнял предназначенную ему роль, поскольку эти имена довольно известные в республике благодаря той карьере, которая благополучно сложилась у них в дальнейшем в силу умения чувствовать политическую конъюнктуру. Как отмечает Б. Банзаров, «обстановка вынудила руководителя НИИКЭ Г. Ц. Бельгаева выступить с публичной критикой своих ошибок, однако он не принял обвинений в буржуазном национализме» [1, 72-73].

Говоря иными словами, он принял правила игры, которые диктовались тем партоткратическим временем. Это была традиция, заложенная ещё в 20-х гг. XX века согласно режиссуре И. В. Сталина с целью устранения своих политических противников, которые обязаны были публично признаваться в своём отступничестве от генеральной линии партии большевиков. Сейчас, по прошествии некоторого времени, позицию Г. Ц. Бельгаева можно расценить, фигурально выражаясь, таким образом: он склонил голову перед обстоятельствами, но не встал на колени. Это подтверждается следующим фактом: сразу же после пресловутой партконференции Гомбо Цыбикович выезжает в Москву, чтобы окончательно решить вопрос об издании эпоса. Выезжает, несмотря на стремление некоторых обкомовских деятелей затормозить его поездку в столицу. Вероятно, они опасались того, что называется «как бы чего не вышло». Нам неизвестно, как и чем окончились переговоры Г. Ц. Бельгаева в Москве относительно издания «Гэсэра».

Но нетрудно предположить, что в целом в стране – как и в центре, так и на периферии – обстановка складывалась не в пользу ревнителей культурного наследия национальных республик. Учитывая общую неблагоприятную политическую ситуацию, вряд ли мог решиться Г. Ц. Бельгаев напрямую обратиться к «отцу народов», с благословения которого было принято постановление о проведении 600-летнего юбилея эпоса «Гэсэр». Будучи умудрённым жизненным опытом, он наверняка осознавал, что гонение на бурятский «Гэсэр», начатое на его родине, и огульное охаивание эпических памятников прошлого в национальных регионах Советского Союза – всё это звенья одной цепи. И творилась подобная политика с ведома и по невидимой указке хозяина Кремля.

По возвращении Г. Ц. Бельгаева из Москвы тут же было принято решение провести по горячим следам совещание в обкоме партии – 17 мая 1948 г. Но организаторов этого мероприятия ждало разочарование: записка, представленная опальным директором НИИКЭ, содержала защиту эпоса «Гэсэр». Поэтому было решено передвинуть проведение совещания по вопросу о «Гэсэриаде» ещё на два дня. Г. Ц. Бельгаев был срочно вызван на разговор с первым секретарём Бурят-Монгольского обкома партии А. В. Кудрявцевым. Последний предложил своему собеседнику разобраться в «противоречиях», имеющихся в вышеупомянутой докладной записке. Разумеется, эти «противоречия» не укладывались в русло той политики, проводимой временщиками того исторического периода. Как позже скажет Г. Ц. Бельгаев, «подготовка к обсуждению и само обсуждение вопроса о “Гэсэре” проходило тогда в обстановке страшной спешки, а главное, в обстановке невыносимого аракчеевского режима» [4, 187].

Перенесённое на 21-22 мая совещание по «Гэсэриаде» всё-таки состоялось. Это было редкое по тем временам собрание, где наряду со всем высшим руководством республики присутствовали и представители творческой интеллигенции (Союз писателей), вузовские работники (БГПИ имени Д. Банзарова), сотрудники НИИКЭ во главе с Г. Ц. Бельгаевым – всего по списку 61 человек, из которых почти одна треть оказалась в числе выступавших. В целом участники в своих выступлениях руководствовались явно конъюнктурными соображениями и не скрывали своей ангажированности. Об этом красноречиво свидетельствуют «речи» высокопоставленных чиновников от обкомовской и совминовской номенклатур. Будучи малоосведомлёнными в вопросах эпосоведения, прежде всего гэсэроведения, они высказывали довольно категоричные суждения относительно «безответственной» работы НИИКЭ и специалистов по «Гэсэру», навешивая на них ярлыки «буржуазных националистов», тем самым оказывая давление на формирование общественного мнения. В меньшинстве оказалась триада наиболее компетентных по обсуждаемому вопросу учёных – А. И. Уланов, Н. Д. Зугеев и Г. Н. Румянцев, высказывавшихся в пользу эпоса.

В числе основных докладчиков, чьи доклады были вынесены на обсуждение, был Г. Ц. Бельгаев. Его речь, произнесённая в необычной для него идеологической тональности, но с нарочито наукообразной аргументацией произвела, в конечном счёте, впечатление доказательств от противного. Парадокс его выступления заключался в том, что он формально опровергал то, что изложил в докладной записке, написанной им два дня назад. В последней содержались его истинные мысли и суждения о «Гэсэре», выношенные им за восемь лет работы в области науки и культуры, причём на высоких ответственных постах. Многие из присутствовавших на обкомовском собрании поняли неоднозначность доклада Г. Ц. Бельгаева в контексте ситуации, сложившейся в то время. Даже А. В. Кудрявцев высказал своё сомнение относительно соответствия содержания доклада с личным мнением докладчика. Вскоре последовала административная акция: по решению обкома партии в июне 1948 г. Г. Ц. Бельгаев был освобождён от должности директора НИИКЭ. В вину ему вменялась его активная деятельность по подготовке юбилея национального эпоса «Гэсэр», а также по изданию эпического памятника и в целом его равнодушное отношение к культурному наследию бурятского народа.

В сложившейся обстановке Г. Ц. Бельгаев был вынужден покинуть родную республику, как это сделали его духовные единомышленники и соратники по общему делу, связанному с «Гэсэриадой» – Б. С. Санжиев, А. И. Уланов, А. А. Бальбуров. Приютил его далёкий и в то же время близкий Ленинград. Благо, что у него были добрые и давние связи с городом на Неве. Там он учился в тридцатых годах, где успешно окончил Ленинградский институт востоковедения. Фактически он являлся по своей специальности монголоведом. Поэтому не случайно, оказавшись осенью 1948 года в Ленинграде по приглашению своих друзей, Г. Ц. Бельгаев становится заместителем директора по науке Восточного научно-исследовательского института при Ленинградском государственном университете, а затем заместителем декана Восточного факультета Ленинградского государственного университета. Также он преподаёт и монгольский язык.

В 1951 году происходят резкие перемены в общественно-политической жизни Бурят-Монголии в связи с освобождением от занимаемой должности А. В. Кудрявцева. Бывшие в опале представители научной и творческой интеллигенции возвращаются на родину, среди них и Г. Ц. Бельгаев. По инициативе нового руководства обкома партии в апреле 1951 г. состоялось

обсуждение эпоса «Гэсэр» в Институте востоковедения АН СССР в Москве с целью более квалифицированного рассмотрения спорных и наболевших вопросов. Для окончательного научного решения проблемы народности бурятских версий «Гэсэра» и его отношения к глубинным основам национальной культуры было создано ещё одно совещание – на этот раз в Улан-Удэ. Это знаковое и переломное в судьбе бурятского эпоса событие происходило 2–5 февраля 1953 г. В эти дни состоялась объединённая научная сессия Института востоковедения Академии наук СССР и Бурят-Монгольского научно-исследовательского института культуры. Тон в работе сессии задавали известные учёные-фольклористы и монголоведы Г. Д. Санжеев, Г. И. Михайлов, Н. П. Шастина (все – из Москвы), А. И. Уланов, Е. В. Баранникова (Улан-Удэ), Н. О. Шаракшинова (Иркутск) и др. Принял участие в совещании и Г. Ц. Бельгаев. В то время он работал заведующим кафедрой всеобщей истории БГПИ. Текст его выступления опубликован в сборнике докладов и материалов вышеуказанной сессии, увидевшем свет под названием «О характере бурятского эпоса “Гэсэр”» (Улан-Удэ, 1953). Ниже мы приводим выдержки из выступления Г. Ц. Бельгаева:

«Гэсэр» как самобытное творчество бурят-монгольского народа,
как ценнейший памятник культурного наследия прошлого бурят у нас существует.
В связи с этим я хочу сказать, что в 1948 году,
отрицая наличие самобытного бурят-монгольского эпоса «Гэсэр»,
мы совершили ошибку...

Теперь по существу эпоса «Гэсэр».
Я лично после работы над текстами «Гэсэра»,
над научными данными последнего времени
и итогов обсуждения на данной сессии
пришёл к убеждению, что у бурят-монгольского народа
имеется богатейший героический эпос, – перечислять я не буду,
так как товарищи в своих выступлениях
говорили об отдельных имеющихся эпических произведениях.
В том числе и наш народ имеет свой эпос «Гэсэр».

Все данные науки, а также научные факты и выводы,
приведённые в докладах на данной сессии,
говорят о том, что «Гэсэр» является народным эпосом
бурят-монгольского народа» [4, 185-188].

Думается, в этих словах весь Г. Ц. Бельгаев – истинный представитель своего этноса,
знаток и патриот родной культуры.
Он достойно прошёл испытание суровым временем.
Драма, которую он мужественно перенёс в связи с антигэсэровской кампанией,
не погасила на его лице улыбку.
Потому что она исходила из его души и светлого взгляда на жизнь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Базаров, Б. В. Судьба «Гэсэра» / Б. В. Базаров // Байкал. – 1989. – № 5. – С. 70-78.
2. Номтоев, Ц. Стихи из фронтовой тетради / Ц. Номтоев // Правда Бурятии. – 1983. – С. 55-76.
3. Культурное строительство в Бурятской АССР (1917–1981): док-ты и мат-лы. – Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1983. – 586 с.
4. О характере бурятского эпоса «Гэсэр». – Улан-Удэ: БМНИИК, 1953. – 198 с.
5. Поппе Н. Н. О хронологии «Гэсэра» / Н. Н. Поппе // ЦВРК ИМБТ СО РАН, инв. № 1355.
6. Усманов, М. О трагедии эпоса и трагедиях людских / М. Усманов // Идегей. Татарский народный эпос. – Казань, 1990. – С. 248-249.